Осетинская Полина 9.08.2001

Я вас люблю

Полюшка, Поля...

У Полины Осетинской остался последний шанс стать «звездой»

Перестройка только начиналась: все жили предчувствиями и надеждами. Все юное, свежее и многообещающее было в большом фаворе. Неудивительно, что именно тогда вся страна узнала имена сразу нескольких музыкальных вундеркиндов. Их было четверо: Женя Кисин, Вадик Репин, Максим Венгеров и Полина Осетинская. Их фото были в газетах, их голоса звучали по радио, они мелькали на телеэкранах. Именно по ТВ Дина КИРНАРСКАЯ впервые увидела чудо-девочку, нежного эльфа с фирменной лентой вокруг головы, которая исполняла виртуознейший этюд Скрябина. Из-за ее спины выглядывал виновник торжества – чудо-педагог, а вообще-то сценарист, автор сериала «Михайло Ломоносов» Олег Осетинский. Десятилетнее знакомство теперь уже профессора, доктора искусствоведения с Полиной Осетинской и легло в основу этого материала.

Городской сумасшедший

Я, тогда аспирантка Гнесинского института, изучающая музыкальные способности, полетела на ближайший концерт Полины в Дом кино. Она играла то, что обычно играют вундеркинды: головоломные произведения для взрослых виртуозов. Но за лоском и блеском, за лучезарными улыбками то тут, то там проступали «белые нитки»: фальшивые ноты и какая-то небрежная мазня. Заподозрив неладное, я нагло напросилась в гости. Мною владело желание спасти, направить и уберечь юный талант.

В советской хрущобе в переулке Васнецова я открыто предложила Осетинскому свою помощь по отысканию для Полины педагога-наставника – нельзя же, в самом деле, не знающему нот человеку вечно опекать свою одаренную дочь, не подпуская к ней профессионалов! Постороннее вмешательство было тем более уместно, что на груди у него блестел огромный значок с надписью «Городской сумасшедший». «Да, да, конечно», – согласился со мной «сумасшедший» и оставил меня наедине с Полиной, ее огромным роялем, бабушкой и кошкой. «Ура! – запрыгала Полина. – Теперь мы попросим у бабушки апельсин. Ведь у нас гости, и вам она не откажет». Ради Полины я нарушила правила хорошего тона, попросила апельсин и попала в доверенные лица. Тут-то я и узнала о том, что папаша только и умеет, что вытирать пыль с рояля, что любимая мама работает в парикмахерской и с ними не живет. В музыкальной школе Полина училась всего год, а потом ее музыкальные университеты сводились к бесконечному повторению классических шедевров – то много раз медленно, то много раз быстро. Теток – учительниц музыки, особенно из ЦМШ и прочих спецшкол, Осетинский не выносил: все встречи с ними начинались громкими ахами по поводу таланта девочки, а заканчивались скандалами: угроз своему педагогическому авторитету он не терпел.

«Ну что ж, – подумала я. – Еще не все потеряно. Вундеркинд на то и вундеркинд, что в учителях не особенно нуждается. Все от бога: и техника, и понимание, и музыкальность. Играл же Лист до одиннадцати лет как попало, пока Карл Черни всего-то за полтора года все не исправил. Играл и наш Игумнов до четырнадцати в своей Лебедяни, пока все сонаты Бетховена не переиграл. Только потом профессор Зверев всего-то за год все поставил на место и отпустил в консерваторию. И Полина пусть играет: все-таки вундеркиндское имя – вещь невосполнимая, двести концертов в год – это вам не шутка!» Так мы подружились с Полиной: немножко поиграли с кошкой, немножко поотровничали о своем, о девичьем, съели апельсин и разошлись.

Целый год я писала свою диссертацию, читая об успехах Полины, пока папаша не позвал меня в Таллин, на концерты в зале «Эстония». Меня встретил правительственный лимузин, отвез в правительственную гостиницу, где в ресторане подавали угрей и миноги с клюквой. В той же гостинице в шикарном люксе проживали Осетинские. Уже на следующий день с утра поспешила на репетицию к Полине.

Талант в розовой юбочке одиноко сидел за роялем в огромном зале «Эстонии» и репетировал сонату си минор Шопена. Репетиция сводилась к проигрыванию всех частей взад и вперед, без привычных остановок, облизывания каждой фразы, без вслушивания и работы над звуком. Талант не знал, что это такое – разучивать произведение. «Где папа?» – спросила я. «В теннис играет, – вяло отозвалась Полина. – Вечером на концерте будет кивать из-за кулис и дирижировать, где головой кивнуть, а где рукой махнуть». И тут Полину прорвало. «Мне крышка, – сказала она. – Все валится из рук, ошибок куча, топчусь на одном месте, никуда не двигаюсь. Только на Бога надеюсь. Правда. Помню, я как-то загадала: Бог, если ты есть, пусть прямо сейчас, над моей головой зажгутся ровно пять звезд. Подняла голову – и точно. Ровно пять звезд зажглись».

После концерта мы так и не увиделись: поклонницы окружили Осетинских плотной стеной, несмотря на то что только что на их глазах вместо Шопена и Бетховена Полина исполнила нечто вроде вариаций на темы бессмертных классиков. Я собиралась в Москву, готовясь к своему дебюту в качестве лектора в родном институте, и встретилась с Полиной только осенью. Она загадочно молчала, и все мои попытки вызвать ее на откровенность упирались в уклончивость – искусство, которым она в совершенстве овладела, будучи маленькой светской львицей. Число раутов, вечеров, суаре и прочего, героиней которых она была, можно было сравнить только с числом сыгранных концертов.

Зато Осетинский был в эйфории: «Ты знаешь, к кому мы едем? Ты только представь, кто нас пригласил. Сам Гордон Гетти. Это самый богатый человек в мире. У меня уже билеты есть». И в подтверждение его слов дверь распахнулась, и Полина повисла на шее у элегантной дамы: среди пыли и запустения советской хрущобы засверкал бриллиант по имени Сюзанна Эйзенхауэр. Тогда она была в порыве увлечения Россией, а Полину дочь американского экс-президента давно обожала. Невидимый пакт между Осетинским и Америкой был подкреплен, и я ретировалась, осознав свою ненужность в этом блистательном контексте.

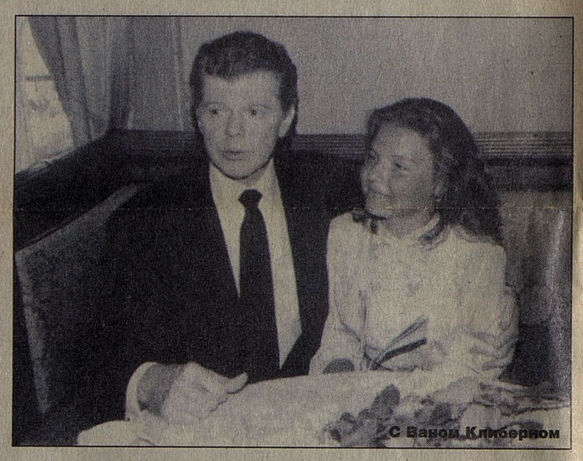
Уезжать они должны были под Рождество, а на 6 декабря был объявлен очередной сольный концерт в Ленинградской капелле. В ту весну российской демократии я не пропускала ни одного выпуска новостей. Очередным декабрьским вечером включаю телевизор и вижу в передаче «Шестьсот секунд» с каменным лицом сидит Невзоров, рядом с ним Полина, которая произносит: «Прошу мое имя с именем отца больше не связывать». Знакомые сообщили: «Полина сбежала. Не явилась на концерт и не поехала в Америку».

Комментируя свой одинокий прыжок к свободе, похожий на прыжок из фильма «Пролетая над гнездом кукушки», Полина потом говорила: «Спрашиваешь, где же все были раньше; почему никто не вмешался, не помог, не забил тревогу и не отнял девочку-вундеркинда у отца-злодея? Скажу. Всем просто лень. И плевать, плевать на чужую судьбу».

Ищут пожарные, ищет милиция

В первые дни после побега Полину приютили ленинградские друзья. Папаша рвал и метал, но в какую сторону метать, не имел понятия. Полина скрывалась. Потом стало известно, что в ленинградской десятилетке для одаренных детей за нее взялась Марина Вольф. А поселилась Полина в общаге с разбитым пианино и бегающими крысами.

Через пару лет я выбралась в Ленинград. Мне теперь предстояло выяснить, что выпало на долю Полины – козырной туз или печальный кукиш. Ведь ужасные судьбы вундеркиндов мне как специалисту были прекрасно известны. Иные сошли с ума, другие покончили с собой, не оправдав надежд учителей и родителей, третьи парились в безвестности. Все маломальски профессиональные психологи (а я к тому времени была уже кандидатом наук) прекрасно знают, что лишь 10% вундеркиндов становятся выдающимися музыкантами.



С Вакой Кляберном

Марина Вениаминовна Вольф, звезда российской музыкальной педагогики, производила впечатление классной дамы из Смольного института. «Когда Полина сбежала от папаши, – сообщила она, – за нее никто не брался. Говорили, что у девчонки наверняка звездная болезнь в последней стадии, да и поздно, пожалуй, руки-то уже наизнанку вывернуты. Я вот взялась и не жалею. Полина все схватывает на лету, и теперь мы уже, можно сказать, на финишной прямой». И пригласила меня на экзамен, который как раз тогда и случился.

До сих пор помню, насколько игра Полины отличалась от контрольно-ревизионного исполнения остальных. Она играла захватывающе, артистически, с таким подъемом и увлечением, что, казалось, скучно не могло быть даже стенам. Марина Вольф подкрепила мой восторг: «У Полины настоящий талант: полный набор пианистических способностей без изъяна – великолепный слух, гибкие, ловкие руки, артистизм, память, способная «держать в форме» огромный репертуар, природное ощущение музыки, а главное – заразительность. Она умеет проникнуть в суть музыки и зажечь, увлечь музыкой других».

Так в чем же дело? Виктория! Вперед, на приступ лучших залов мира! Тем более что Полина начала понемногу выезжать – с классом, со школой, в числе прочих. Ее, конечно же, отмечали, но персональной раскрутки не было. Истинно петербургская дама, Марина Вениаминовна вовсе не была похожа на энергичного Захара Брона, учителя Вадика Репина и Максима Венгерова, и не менее энергичную Анну Кантор, учительницу Жени Кисина. Не случайно все они в какой-то момент отбыли за кордон: Анна Павловна скромно, в составе клана Кисиных; Захар Брон громко, со всем выводком учеников.

Эх! Где же вы, папаша Осетинский? Вашу бы энергию да в мирных целях! Но когда я спросила о нем, Марина Вениаминовна ответила: «В своем репертуаре. Звонит из Москвы, орет: «Я тебе, старая ... ноги переломаю!» А на концерты приезжает, заваливается на первый ряд и гипнотизирует, чтобы ей настроение испортить».

Осетинский, кстати, всегда напоминал мне личность куда более знаменитую – отца пианистки Клары Шуман, в девичестве Клары Вик. Правда, Фридрих Вик, в отличие от «городского сумасшедшего», был одним из лучших учителей фортепиано в Германии. Когда Клара начала приносить доход, ему очень не захотелось с ним расставаться. Что ему романтическая любовь дочери и молодого Роберта Шумана? Добиться свадьбы с любимым против воли отца можно было только через суд. А на суде Фридрих Вик требовал, чтобы Клара отписала ему половину своих доходов от будущих концертов. Он даже попытался повторить успех Клары с младшей дочерью Марией. Осетинский же, за неимением младшей дочери, вывел на сцену каких-то новых «Осетинских»: они играли то соло, то дуэтом. Кто там разберет – та Осетинская, не та? Так что Полине приходилось преодолевать еще и «черный пиар».

Ну чем не Вера Холодная?

Тем не менее сегодня Полина не держит на папашу зла: «К отцу осталась только благодарность. И осознание того, что на 90% все мои детские успехи – это его заслуга. Я с детства усвоила одну формулу: «Для тебя не существует понятие «не могу», для тебя может быть только понятие «не хочу». А мои коллеги по вундеркиндскому детству – Женя Кисин, Володя Репин и Максим Венгеров, что называется, «попали в струю». К России тогда был повышенный интерес, и у тех, кто уехал, карьера вполне сложилась. А у меня, как у оставшейся, не то чтобы не сложилась, но она другая».

Вот за это-то замедление темпа, которое случилось после стремительного детского взлета Полины, Осетинскому следует предъявить самый жесткий счет. Когда вчерашнему вундеркинду исполняется «надцать», надо крутить все педали и выкидывать его в мир. Так и поступили с Женей, Вадиком и другими. Полина же из-за художеств папаши застряла на старте. Эти два-три года не дали ей выйти на мировую сцену, еще будучи девочкой в розовом платьице. Но полетной карьеры вундеркинда, которая буквально расстилалась бы перед Полиной, будь вместо «городского сумасшедшего» педагог-профессионал, не случилось. Это была первая роковая ошибка в ее судьбе.

Салон на Декабристов, 10

Полина выросла и превратилась... Трудно поверить, но в красотку.

Почему трудно поверить? Потому что талант и красота в нашем коллективном бессознательном – «две вещи несовместные». Талант – непременно одинокий, неуклюжий, прыщавый и бледный. А тут молодая девица, впору на обложку модного журнала, при этом мастер светского общения, всегда с улыбкой, без потных рук и заиканий. Кто же после этого поверит, что она лучше всех играет Шостаковича?

Если для другого красота, может, и подарок судьбы, то для Полины – увитый лентами крест. Каково его нести, она сама рассказывает: «Когда люди приходят на мои концерты, кто-нибудь обязательно скажет: «Слушай, отлично выглядишь сегодня». Когда я ставлю этим людям запись своих концертов, они говорят: «Здорово, кто же это играет?» Я говорю: «Я играю». А мне в ответ: «Да ну, ладно тебе...» Людям вообще трудно поверить, что обаятельная женщина может еще что-то сделать, кроме как демонстрировать свои прелести. Допускаю, что мужчины обижены. Искусство и вождение машины – две области, в которых мужчины никак не могут смириться с тем, что женщины их догоняют».

После школы Полина поступила в Санкт-Петербургскую консерваторию, в класс все той же Марины Вольф. Полина сняла небольшую квартирку на улице Декабристов и открыла свой салон. Вернее, его открыли многочисленные друзья, которые набежали со всего Санкт-Петербурга. Тут бывали актеры, деловые люди и профессиональные тусовщики, композитор Леонид Десятников с компанией музыкантов, дрессировщики тигров и вышибалы ресторанов. «Я была тогда открыта для всех, – вспоминает Полина. – Мне казалось, что если люди испытывают ко мне интерес, то я должна испытывать интерес к ним».

Тем временем петербургская карьера Полины стремительно шла вверх, она играла во всех лучших залах города и стала чем-то вроде петербургской VIP-персоны. Помню, перед одним из концертов в Большом зале филармонии я видела, как мрачный папаша Осетинский мерил шагами тротуар. На приеме в «Европейской» после концерта я сидела рядом с Мариной Вениаминовной и слушала ее рассказы о том, что Полина играла в Японии, играла в Европе и собирается покорять Тринидад и Тобаго. Тогда же Полина посвятила меня в очередную тайну: «Мама уехала в Америку и вышла там замуж. Ей светит грин-карта, не сразу, конечно, но скоро». «Ну так в чем же дело? Дуй туда, и побыстрее, – уговаривала я. – Тебя оценил сам Ван Клиберн, ты играла в Кеннеди-центре с программой «Новые имена» – разве можно упустить такой шанс?»

На что Полина, пожимая плечами, отвечала: «Никуда я не поеду. Нравится мне тут. За границей я, во-первых, ощущаю себя чужой, во-вторых, не нахожу достаточного культурного пространства в общении с людьми. Здесь они меня понимают и принимают такой, какая я есть. Я этим очень дорожу. А на Западе я все время вынуждена думать о выражении лица».

Все так, но на уровне Санкт-Петербурга карьера пианистки состояться не может. И вообще, что за сантименты? То любимые друзья, то любимая учительница. Так и напрашивается пример Кости Лифшица. Он уехал сразу же после гнесинской десятилетки и сидел в Лондоне один, без друзей, без родных, в нетопленых английских комнатках с вредными хозяйками. И все ради английского менеджера, который открыл для него лучшие залы мира. Хотя учиться ему в Royal Academy of Music, конечно, было нечему и не у кого.

Да разве сравнить того же Костю, чья внешность тогда вполне соответствовала расхожему имиджу гения, и красавицу Полину? Она пальцем открыла бы те двери, которые другие выбивают ногой. Аура звезды присуща ей от природы. Помню девочек и мальчиков, которые на добровольной основе и с упоением служили у нее в Петербурге швейцарами и горничными: они открывали мне дверь и докладывали Полине о моем приходе, как будто я удостоилась аудиенции королевы. Понимаю их: быть рядом с Полиной в любой роли – это то же, что служить одновременно Грете Гарбо и Мерилин Монро.

Наконец Полина закончила Санкт-Петербургскую консерваторию и решила теперь поучиться в аспирантуре. Неужели взялась за ум и поехала в Джульярд, хотя бы на post-graduate studies? Ее, такую талантливую и, как теперь говорят, «подходящую по имиджу», приняли бы везде. Но нет, Полина совершила путешествие из Санкт-Петербурга в Москву, чтобы упасть в объятия профессора Московской консерватории Веры Горностаевой. Полина привязалась к Вере и ее друзьям, московским музыкантам, что и было в ее глазах достаточным аргументом для переезда. По моему убеждению, переезда совсем не туда: поступление в Петербургскую консерваторию вместо Лондонской или Парижской пять лет назад и теперь в московскую аспирантуру вместо джульярдской или миланской – это была вторая роковая ошибка в судьбе Полины, когда ум с сердцем в который раз оказался не в ладу. Победил, увы, не ум, как положено на Западе, а сердце, как всегда бывает в России.

Почему я не домохозяйка?

«Ты этого хотел, Жорж Данден!» – злорадно повторяю я мольеровские слова. Вот они, российские городишки с покосившимися заборчиками, на одном из которых кривыми буквами выведено: «Филармония», вот они, заспанные тетки в вязаных кофтах – администраторы и кассиры, которым плевать на все, кроме урожая огурцов на своем огороде. Правда, учительницы и врачихи с зарплатой в шестьсот рублей готовы бежать на край света, чтобы услышать Полину, и заблуждаются те российско-лондонские аспиранты, которые утверждают, будто классика в России не востребована. Так, по крайней мере, считает Полина: «Классическая музыка у нас очень востребована. Люди на концерты ходят, и билетов иногда не достать. Просто на Западе посещение классических концертов – это вопрос престижа. Там это считается достаточно элитарным искусством, и концерты посещают люди небедные. В России же классическая музыка была всегда прибежищем небогатого среднего слоя. Здесь это не вопрос престижа, а по-прежнему – любви к музыке. Жизнь у нас трудная, поэтому я часто играю бесплатно. Из пяти концертов, которые я дала в мае, четыре были бесплатными».

На один из таких вечеров «в пользу слушателей» в Малом зале Московской консерватории я привела студентов-пианистов из Америки. Возглавлял группу колоритный толстяк Роберт Ру, бывший вундеркинд, профессор Техасского университета по классу фортепиано. Его все время зовут в Джульярд, а он все отказывается, предпочитая быть «первым парнем на деревне». Я подумала, что поход на концерт Полины будет прекрасным прологом к его путешествию в Россию – знай, мол, наших!

В тот вечер Полина играла Прелюдии Рахманинова и Восьмую сонату Прокофьева. То, что я услышала, не поддавалось никакому описанию: мне было легко и просто, как будто я слушаю не классические опусы, а слово друга. Красота звука, журчащие пассажи и прочие атрибуты пианизма ложились на слух, как меховое манто на плечи модницы – свободно и естественно. Дух захватывало. В зале я увидела профессоров консерватории, каких-то дурно одетых мужчин с видом бомжей и стайку мамаш с маленькими детьми. Никто не ерзал, не шуршал и не кашлял: было совершенно ясно, что все чувствуют себя чрезвычайно возвышенно и вместе с тем невероятно комфортно. Игра Полины напомнила мне всех корифеев сразу: эстрадным блеском она была похожа на Гилельса, вдумчивой простотой на Рихтера и артистической непосредственностью на Горовица.

Где же, где конная милиция, которая должна тут быть непременно, сдерживая натиск сумасшедших меломанов, желающих попасть на этот уникальный концерт? Вот что значит вывеска: если напишут «играет Рихтер», снесут все двери; если играют ничуть не хуже, но «Рихтер» пока не написано, ходят только любопытные прохожие. Мою правоту подкрепил непредвзятый восторг Роберта Ру. Он неприлично толкал меня за сцену, потому что жаждал пожать эту божественную руку, которая только что сразила его. «Это невероятно, – кричал он. – Такого исполнения я сто лет не слышал. Да только ради этого я бы готов был приехать в Москву, может быть, и за свой счет», – кипятился он. За ужином в гостинице он громко стучал ложкой по столу и требовал, чтобы я поведала ему историю жизни Полины, что я и сделала с превеликим удовольствием.

Этот концерт был одним из самых удачных, которые я слышала у Полины. О том, чего это стоит, Полина иногда рассказывала мне в минуты откровения: «Я каждый раз перед выходом на сцену так горестно хожу, что те, кто меня в этот момент видят, просто пугаются. Я обхватываю голову руками и кричу: «Почему я не стала домохозяйкой?» Правда, когда я на сцену уже вышла, то понимаю, что мне и на сцене хорошо. Потому что на сцене – это самое истинное, самое искреннее и самое правдивое существование из всех, которые когда-либо бывают в жизни. В этот момент обмениваешься большим энергетическим валом с людьми, которые сидят в зале. И с композитором, и с Богом, и с роялем, и сама с собой. И когда все энергии стекаются в одной точке, то есть в тебе, это совершенно волшебное ощущение. Потом, конечно, это еще вопрос власти в некотором смысле: заставлять людей, сидящих в зале, тебя слушать. Сценическое чувство захватывает, как наркотик. Дело не в славе, а в особой власти, которая тебе дана и которую ты можешь применить во благо. Хотя бы на время. Исполнительское искусство сиюминутно, поэтому на большее рассчитывать я не имею права».

Что тут добавишь? Полина играет. Она играет только то, что хочет играть. Она живет там, где хочет жить, и играет для тех, для кого хочет. Не мне обсуждать цену, которую она желает за это платить. Но почему-то мне все время вспоминается французский импресарио Михаэль Глотц, стреляный воробей, съевший не одну собаку на раскрутке и карьере молодых музыкантов: теперь у него в Париже концертное агентство, а раньше он продюсировал Караяна и Каллас. Мудрый Глотц мне сказал во время московского интервью: «Если у артиста есть талант, Бог ему обязательно даст шанс. И не один раз, а три. Артист может ошибиться первый раз – и Бог простит. Артист может ошибиться и второй раз – и опять Бог простит. Но третий раз уже ошибаться нельзя».

Первые два шанса для выхода на мировую сцену остались позади. Молюсь теперь, чтобы свой третий шанс Полина не пропустила.

Дина КИРНАРСКАЯ

134

Общая газета

Главный редактор номера: Юрий СОЛОМОНОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА
Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23. Т/ф: 915-26-06, e-mail: lvov@og.ru
Отдел региональных проектов: Тел.: 915-22-66, e-mail: deeva@og.ru
Связи с общественностью: Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛОВЕЦ Тел.: 915-70-40, e-mail:pr@og.ru

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты»
Технический директор Валерий МАКАРОВ

П.Р. *С этим знаком, а также в рамках публикуются пресс-релизы, информационно-коммерческие материалы. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных текстов*

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – 211646 экз. (региональный – 152000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене Группа компаний «ПАБЛИК ПРЕСС» в С.-Петербургском Метрополитене ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса». 125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. Правды, 24

Номер подписан в печать 8.08.2001 г.
Заказ 1960. 1 2 3

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71, e-mail: secretar@og.ru. Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru (а также в базах данных www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com). Адрес «Гостиной «ОГ»: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Егор ЯКОВЛЕВ – главный редактор. Юрий СОЛОМОНОВ – первый заместитель главного редактора. Игорь ЯКОВЕНКО, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ – заместители главного редактора. Елена РЫМКО – заместитель главного редактора, директор по развитию.
Редакторат: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Наталия КЛОЧКО, Игорь НАЙДЕНОВ, Юрий ПАТРИН, Елена РЫКОВЦЕВА, Мария СЕДЫХ, Борис ЮНАНОВ.
Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура). Руководители направлений: Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ»-Петербург), Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт).
Обозреватели: Бахтияр АХМЕДХАНОВ, Олег ВЛАДЫКИН, Максим ГЛИКИН, Ирина ДЕМЕНТЬЕВА, Елена ДИКУН, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Елена ТОКАРЕВА, Юнна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Павлюк БЫКОВСКИЙ (Минск), Наталья ГОЛИЦЫНА (Лондон), Владимир ГОЛОВИН (Иерусалим), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Федор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт). Елена ПАНОВА – финансовый директор. Елена БОГДАНОВА – помощник главного редактора.